Здесь вас обязательно *поставят на ноги!*

Сегодня вход в Симферопольское протезно-ортопедическое предприятие перекрыт красно-белой ленточкой. По известным причинам приёма посетителей нет. Но цеха работают, хоть и в особом режиме. Производственный процесс не останавливается. Чтобы узнать подробности, мы договорились о встрече с Сергеем ПАНИНЫМ, управляющим Симферопольским филиалом ГУП «Московское протезно-ортопедическое предприятие» (в народе именуемым протезным заводом).

С. Панин.

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

— Мы не можем полностью остановить производство, — ведёт нас по цехам С. Панин. — У нас есть госконтракты, срок выполнения которых никто не отменял, да и заказы не отложишь, особенно для детей. Малыша растут, и если мы протянем месяц-два, ребёнок поправится или вырастет, и работа мастера пойдёт насмарку. Конечно, мы сейчас трудимся по изменённой схеме — часть коллектива на удалёнке. А у тех, кто в цехе, смещён график выхода (чтобы бригады меньше контактировали друг с другом). Производственники соблюдают все меры предосторожности, им выданы дезсредства, маски (на момент фотосъёмки мы попросили их снять. — **А. В.).** Каждое утро у всех сотрудников измеряется температура. Больных нет. Несмотря на то, что заказы в офисе мы сейчас не оформляем, в случае острой необходимости готовы выехать к клиенту на дом (если нас там готовы принять).

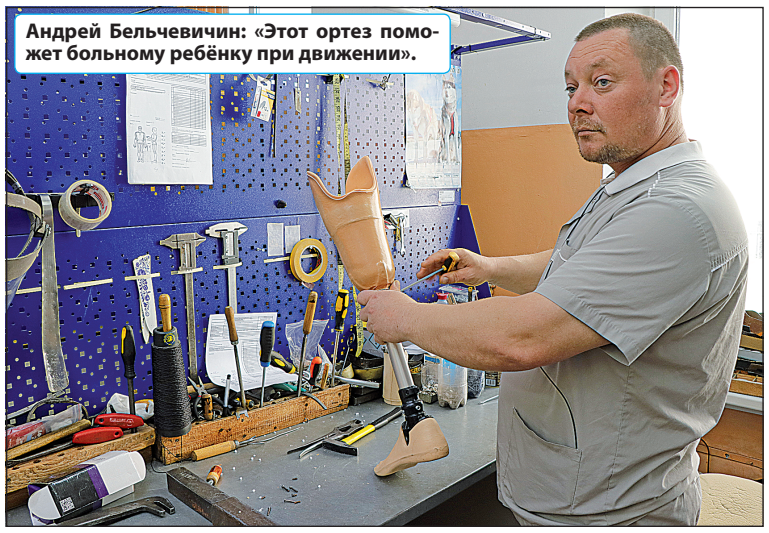
В пустых коридорах административной части корпуса — тишина. На несколько минут останавливаемся у стенда с информацией об истории предприятия, которому в следующем году исполняется 100 лет! На фото — портрет субтильного мужчины в круглых очках, с калининской бородкой и будённовскими усами. Это основатель и будущий заведующий протезной мастерской, старший ассистент кафедры ортопедии, механотерапии и десмургии Таврического университета Борис Бом.

Вначале это была небольшая мастерская с клиникой на 30 коек, одним штатным врачом и пятью сотрудниками. После войны мастерская переехала в центр города, на пересечение улиц Гоголя и Кирова, сейчас на этом месте — здание Совета министров. В 1967-м на улице Беспалова, 45, построено двухэтажное здание протезного завода со стационаром на 24 койки. За век предприятие неоднократно претерпевало реорганизацию, переименование. При Украине жили скудно, не было должного обеспечения и регулярных заказов. Но штат был раздут до ста человек. С 2016-го стали филиалом Московского протезно-ортопедического предприятия. Нынешнее руководство вдвое сократило коллектив.

— Под оптимизацию попал управленческий аппарат, — рассказывает С. Панин. — Перестал работать стационар — как не соответствующий санитарным и пожарным нормам РФ. Он был нужен тем, кто в первый раз примерял протез и заново учился ходить. Сейчас и без него мы продолжаем работать с инвалидами на нашей площадке. Отремонтировали специальный зал реабилитации, в ближайшее время поставим горки для ходьбы.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Что же происходит после того, как человек потерял руку, ногу, утратил возможность свободного движения? После операции он обращается в МСЭ (медико-социальную экспертизу), где для него разрабатывается индивидуальный план реабилитации, в котором указывается, какие именно средства (технические или протезно-ортопедические) ему требуются. Если протез — инвалид обращается в Фонд социального страхования (ФСС). Тот размещает заказ на изготовление. ФСС должен обеспечить цикл в определённый срок. Несмотря ни на что. Потому завод и не закрылся.

Андрей Бельчевичин: «Этот ортез поможет больному ребёнку при движении».

Елена Харебьянс: «Наши швеи работают для того, чтобы человек был здоров».

Если говорить о ножных протезах, инвалид, как оказалось, получает их два: один — для ходьбы, второй — для купания. В последнем можно принимать душ, посещать баню. На нём нет материалов, которые могут намокнуть, его стопа сделана шероховатой, чтобы не поскользнуться на мокрой поверхности. Протез для ходьбы выдаётся один раз на два года, для купания — один раз в три года. В отличие от прежних времён, сейчас заказы выдаются точно в срок.

— Что изменилось принципиально, — на секунду задумывается наш провожатый, — так это то, что сами инвалиды почувствовали добрые перемены, признали, что обеспечение теперь гораздо лучше. К примеру, мы стали участвовать в соисполнении контрактов по выдаче инвалидных колясок. Совсем недавно получить коляску было крайне сложно: приходилось «доставать», «выбивать», ехать куда-то на поиски или собирать деньги всем миром. Сейчас мучения в прошлом. Если человеку положена одна коляска на три года, её выдадут. Даже не одну, а две: одну — комнатную, вторую — для прогулок (они отличаются шириной, качеством колёс и пр.). Так что очереди не только на протезы, но и на коляски уже нет.

ПЕЧАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Интересно, увеличилось или уменьшилось число заказов за последние пять, десять, двадцать лет?

— Нет, не увеличилось. И не уменьшилось, — улыбается Сергей. — Сейчас, как и в минувшие десятилетия, показатели примерно на одном уровне и не выходят за рамки мировой статистики. Но если в 20-е годы прошлого века клиентами протезных мастерских были бывшие солдаты, жертвы Гражданской

На работу *с ветерком*

• ТЫ НЕ ОДИН

Сейчас идёт тотальная мобилизация медиков. Ушедшие на пенсию возвращаются в больницы, чтобы помочь коллегам справиться с потоком тех, кто может быть заражён коронавирусом. Да и сезонные недуги никто не отменял.

В Николаевскую врачебную амбулаторию (Симферопольский район) специалисты добираются из разных сёл. Сейчас (с ограничением интервалов движения общественного транспорта) им сделать это гораздо труднее. Глава Николаевского сельского поселения, член партии «Единая Россия» Андрей Доманицкий подключил волонтёров, и те бесплатно доставляют людей к месту работы.

— Четырёх человек везём в Тепловку, троих — в Раздолье, — обозначил маршрут движения А. Доманицкий.

Медицинский персонал выразил признательность волонтёрам за заботу, призвал крымчан беречь здоровье и оставаться дома.

С. УСТИНОВА.

Медики встречаются на парковке и за считанные минуты добираются в амбулаторию.

Такая вот *дружба народов получается!*

РАБОТНИЦЫ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «АРТТЕКС-КРЫМ» НИКОГДА НЕ ОСТАНУТСЯ БЕЗ ЗАЩИТНЫХ МАСОК. И НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО НА ПРОИЗВОДСТВЕ ПРИНЯТЫ СТРОГИЕ АНТИВИРУСНЫЕ МЕРЫ (ПЕРСОНАЛ ДАЖЕ ПРИВОЗЯТ НА РАБОТУ И РАЗВОЗЯТ ПО ДОМАМ НА ТРАНСПОРТЕ ПРЕДПРИЯТИЯ). СЕКРЕТ ЖЕ МАСОЧНОГО ИЗОБИЛИЯ ПРОСТ: ЭТИ ПРЕКРАСНЫЕ ЖЕНЩИНЫ САМИ ШЬЮТ ПОПУЛЯРНЕЙШИЙ НЫНЧЕ АКСЕССУАР.

БЯЗЬ — ИЗ ИВАНОВО, РЕЗИНКА — ИЗ КИТАЯ, А ВМЕСТЕ — БАРЬЕР ДЛЯ ВИРУСА

Большой светлый цех то и дело прорезает энергичный стрекот швейных машин. В сторону на время отодвинут докарантинный заказ. Швеи сосредоточенно склонились над белыми ситцевыми прямоугольниками, сострачивая будущую защитную маску. Я обязательно отвлеку, чуть позже, коротким расспросом одну из них, а пока летим мимо. Вместе с фотографом заходим в закройный цех. Нас приветливо встречает закройщик Татьяна Тымченко. Показывает, что называется, «товар лицом», попутно уточняя, что дефицитную вещь выкраивают по образцу, который предоставило Министерство промышленной политики РК.

— На основании его рекомендаций конструктор разработал и утвердил модель, — продолжает Татьяна. — Моя же задача — сделать готовый крой и передать в пошивочный цех. Официальное наименование нашей новинки — санитарно-гигиеническая маска, то есть она не является медицинским, хирургическим изделием. При внешне кажущейся простоте это достаточно сложная конструкция с тремя складками, поэтому она трудоёмка в изготовлении, но зато очень удобна на лице. Для её пошива используем бязь — стопроцентную хлопчатобумажную ткань Ивановской и Тираспольской фабрик, а резинки — китайские. Такая вот дружба народов получается.

Сотни крайне нужных масок выходят из-под умелых рук.